

нают активно функционировать в донских казачьих говорах в бытовом контексте.

Таким образом, общий взгляд на лексику донского диалекта, характеризующий казака, позволяет заключить, что она описывает жизнь мужчины в казачьем социуме с разных сторон. Как показывает исследуемый материал, образ казака проявляется лишь в части диалектных единиц, внутренняя форма которых тесно связана с военной миссией казачества. В языке мы находим слова, которые передают индивидуальность казака, его внешность, характер, речь, семейное и социальное положение.

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравн. языкознания. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
2. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. Волгоград: Пермена, 2003.
3. Краснов П.Н. Исторические очерки Дона // На казачьем посту. 1943. № 1. С. 51.
4. Миртов А.В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.
5. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / авт.-сост.: Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
6. Сухарев Ю.Ф. Лазоревый цвет. Страницы казачьей истории. Чапаевск, 2001.

* * *

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18 000 slov i ustojchiv. slovosochetanj /Rostov. gos. un-t; fak. filologii i zhurnalistiki; kaf. obshh. i sravn. jazykoznanija. M.: ООО «Russkie sloviri»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003.

2. Brysina E.V. Jetnokul'turnaja idiomatika donskogo kazachestva: monografija. Volgograd: Peremena, 2003.

3. Krasnov P.N. Istoricheskie ocherki Dona: Izdanie zhurn // Na kazach'em postu. 1943. № 1. S. 51.

4. Mirtov A.V. Donskoj slovar': materialy k izucheniju leksiki donskih kazakov. Rostov n/D., 1929.

5. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti: okolo 17000 slov / avt.- sost.: R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

6. Cuharev Ju.F. Lazorevyj cvet. Stranicy kazach'ej istorii. Chapaevsk, 2001.

Language means of incarnation of Don Cossack image

Based on the Don Cossack dialects from various aspects there is considered the image of a Don Cossack which is represented by language means that reflect his appearance, character, social and family position, attitude towards him.

Key words: *Don dialects, dialect, the Cossacks, dialectal world picture, gender.*

(Статья поступила в редакцию 21.09.2015)

Т.Е. БАЖЕНОВА
(Самара)

ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРАХ И ТОПОНИМИКЕ САМАРСКОГО КРАЯ

Рассмотрен вопрос о региональных особенностях лексико-семантических и топонимических систем, номинирующих природные реалии самарского Поволжья. Для тематических групп «Лес», «Водоём», «Рельеф», «Почвы» определен набор общерусских и диалектных лексем, в которых нашли отражение главные свойства и признаки природного ландшафта. Диалектные наименования создают основу лингвистического ландшафта региона и его историко-географический образ.

Ключевые слова: *диалект, говор, топоним, лингвистический ландшафт, диалектная лексика, Поволжье.*

Объектом настоящего исследования является группа наименований ландшафтной сферы, обнаруженная в богатейших запасах диалектной лексики, зафиксированной на территории Самарской области в процессе сбора фактического материала для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Материалом для наблюдений послужили лексика, записанная в виде ответов на программу ЛАРНГ диалектологическими экспедициями с нашим участием, и самар-

ские ойконимы – наиболее устойчивая часть топонимики, в большей мере связанная с историей языковой ситуации в регионе. Привлечение данных топонимики обусловлено тем, что, в отличие от других лексических единиц, топонимы почти не подвергаются воздействию экстралингвистических факторов и сохраняют память о наименованиях, порой уже утраченных современными говорами. Обратившись к этимологии топонимических наименований, можно найти ответы на многие вопросы, возникающие в ходе ареально-типологических исследований, в частности на интересующий нас вопрос о специфике лексико-семантических систем на территориях, освоенных носителями русского языка сравнительно недавно (на так называемых территориях позднего заселения). Одним из таких регионов России является самарское Поволжье.

Выбор объекта и предмета исследования определяется тем, что в диалектной лексике, обозначающей природные объекты, и образованной на её основе топонимике наиболее полно отражается специфика региональных лексико-семантических и топонимических систем, а также особенности географического облика территории, его состояния в разные исторические периоды, типологические черты культурного ландшафта (см.: [14, с. 105; 7, с. 79; 6, с. 71–74; 1, с. 388–389; 4, с. 22].

Актуальность обращения к данному языковому массиву определяется тем, что в опубликованных лексикографических источниках лексика самарских говоров отражена далеко не полно, а с точки зрения географии местных наименований природных объектов эта территория позднего заселения во многих случаях представляет собой «белое пятно». Теоретически важным для нас является уточнение внутрдиалектного членения самарских говоров путем привлечения новых данных об их лексико-семантических особенностях и определения их связей с говорами других территорий.

Со временем на территории самарского Поволжья сформировалось культурно-историческое сообщество носителей русского языка под влиянием факторов 1) внутрлингвистических, имеющих отношение к процессам, происходящим в самой структуре диалекта; 2) внешнелингвистических, объясняющих результаты междиалектного контактирования; 3) внелингвистических, например, природно-климатических условий, так или иначе отражающихся в лексике [12, с. 131]. С учетом всех

этих факторов выстраивается картина лингвистического ландшафта Самарской области.

Самарская область располагается на юго-востоке европейской части России. По природным показателям ее территория неоднородна. Здесь выделяются две зоны: лесостепная, которая занимает северные и центральные районы области до широты г. Самары на р. Самаре, и степная, расположенная южнее [2, с. 9–10]. Важнейшее место в общей картине природного ландшафта региона занимает р. Волга, крупный природный и историко-культурный объект. Как самостоятельная административная единица Самарская губерния образовалась в 1851 г., и, по данным историков, в конце XIX в. свыше 70% её территории приходилось на степные районы Поволжья, а центральные и северные уезды находились в лесостепной зоне. Почвенно-климатические условия региона во многом определили социально-классовую структуру населения на его территории, в результате чего юго-восточные районы края оказались заселенными в меньшей степени, чем районы лесостепной зоны [5, с. 25]. Лесостепная зона, особенно в западной и северо-западной частях, совпадает границами с районами первоначального, сравнительно компактного расселения русских на территории края, тогда как остальная территория была заселена позднее в результате сложных миграционных процессов XIX в. и характеризовалась ещё более заметной гетерогенностью языкового состава переселенцев.

Неодновременность заселения территории, поздний характер процессов формирования самарских говоров, активные межъязыковые контакты с нерусским населением (в первую очередь, с татарами, башкирами, мордвой, чувашами) – всё это обусловило специфику лингвистического ландшафта самарского Поволжья, для которого характерна этническая и языковая пестрота. Однако на фоне этой общей пестроты просматривается упорядоченность географического распределения особенностей русских народных говоров. Например, с такой же регулярностью, как на исконно русских территориях, здесь достаточно определенно прослеживается граница между оканьем и аканьем, взрывным и фрикативным Г, твёрдым и мягким Т в окончаниях глаголов 3-го лица; здесь также просматриваются изоглоссы лексем, отличающихся в русских говорах полярной диалектной приуроченностью, и другие фонетические, морфологические и лексические явления типологического характера (см. о типологии диалектных раз-

личий [9, с. 34–38]). Генетически севернорусские диалектные лексемы образуют ареалы в самарских среднерусских окающих и акающих говорах с владимирско-поволжской основой, а лексемы, имеющие распространение в пределах южнорусского наречия, образуют на нашей территории небольшие, но компактные ареалы в южных районах, где большинство русских сел основано носителями южнорусских говоров из бывших Тамбовской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской губерний.

В местном языковом сознании в процессе номинации объектов неживой природы первостепенное значение имели следующие признаки ландшафта: 1) особенности растительного покрова, в первую очередь наличие леса; 2) особенности гидрографии, т.е. наличие рек и озер; 3) геоморфологическая характеристика местности, в том числе характер почвы. Все перечисленные признаки всегда имели большое значение в природопользовании и хозяйственной деятельности человека, а в эпоху переселения русских в Поволжье они стали основными характеристиками осваиваемой территории.

Среди наименований ландшафтной сферы в первую очередь следует отметить наименования объектов растительного мира, составившие в самарских говорах одну из наиболее многочисленных лексических групп (341 лексема в нашей выборке). Собственно диалектные наименования разновидностей леса и отличительных признаков отдельных деревьев и их частей часто используются в лесостепной зоне области, где во многих селах бытуют окающие говоры. См. примеры: *чернолесье* ‘лес с преобладанием липы, ольхи’; *елошняк*, *елишняк* ‘названия леса с преобладанием ольхи или хвойных пород’; *елошник* ‘1) прутья, идущие на плетение корзин, 2) еловые дрова’; *олёх* ‘болотистое место, поросшее ольхой’; *сосёнки* ‘молодая поросль сосны’; *дубья* ‘лес с преобладанием дуба’; *вишовник* ‘заросли дикой вишни в лесу’; *древесник*, *древняк* ‘большой, низкий, кривой лес, идущий на дрова’; *кривяжник* ‘лес с кривыми деревьями’; *гарник*, *горельник* ‘горелый лес’; *густарник* ‘густой лес’; *околок*, *колок* ‘небольшой лесок’; *выкорчень* ‘дерево, вырванное с корнем’; *дробничок* ‘хворост, упавшие ветви и сучья деревьев’; *проулок*, *разруб* ‘просека в лесу’ и др.

Также многочисленной является группа апеллятивов, обозначающих лесные породы и разновидности леса. Среди них в первую оче-

редь можно выделить наименования отдельных видов деревьев (81 наименование), среди которых явно преобладают названия лиственных пород. Например, от апеллятива *берёза* образовано 17 ойконимов (*Березняки*, *Берёза*, *Берёзовка*, *Берёзовый Гай* и др.), от *ольха* – 9 (*Ольховка*, *Елховатое*, *Красная Елха* и др.), *дуб* – 9 (*Дубенка*, *Красные Дубки*, *Дубовый Колок* и др.), *калина* – 8 (*Калинка*, *Калиновый Куст*, *Калиновый Ключ*), *вяз* – 6 (*Вязовка*, *Вязовый Гай*), *сосна* – 6 (*Сосенка*, *Сосновка*, *Старые Сосны* и др.). Среди них наиболее распространенными являются топонимы *Берёзовка* (отмечено нами 7 раз), *Калиновка* (5 раз), *Вязовка* (3 раза, кроме того *Сухая Вязовка* и *Малая Вязовка*), *Елховка* (3 раза), *Елишанка* (2 раза). По 2–3 топонима имеют в основе названия других пород деревьев, кустарников и полукустарников (*Орешенка*, *Вишнёвка*, *Вербовка*, *Осинки*, *Рябиновка*, *Черёмушки*, *Торновое*, *Ветлянка*, *Тополёк*, *Таволжанка* и др.). Диалектные наименования леса и соответствующие апеллятивы в основе ойконимов встречаются на территории Самарской области повсеместно, но основная их часть фиксируется в районах первоначального освоения территории.

Среди общих наименований леса диалектная лексика в самарских говорах в целом представлена незначительно и с минимальной вариативностью, однако в топонимике нашли отражение диалектные варианты общерусских слов, зафиксированные в современных самарских говорах. Ср. наименования отдельных пород: *елха* ‘ольха’ (*Елховка*, *Красная Елха*, *Елховое Озеро*), *черемха* ‘черёмуха’ (*Черемховка*), *яблоня* ‘яблоня’ (*Яблонка*, *Яблонный Враг*); разновидностей леса: *ольховник* – в самарских говорах ‘лес с преобладанием липы и ольхи’ (*Ольховка*), *дубрава* ‘лиственный лес, лес вообще’ (*Петра Дубрава*); лесных массивов: *бор* ‘большой, обширный лесной массив’ (*Боровка*), *куст* ‘отдельный небольшой лес из деревьев одной породы’ (*Елховый Куст*, *Калиновый Куст*), *(о)колок* ‘небольшой лесок’ (*Горелый Колок*, *Дубовый Колок*, *Трёхколки*). Собственно диалектные апеллятивы в основе ойконимов встречаются реже: *елошник*, *ел(о)шняк* ‘лес с преобладанием хвойных деревьев (сосны)’ (*Елишняги*); *гай* ‘лес, стоящий на открытом месте или недалеко от реки, состоящий из деревьев разных пород’ (*Берёзовый Гай*, *Вязовый Гай*, *Дубовый Гай*); *трухляный* ‘измятый, потоптанный (о траве)’ (*Трухлянка*).

Ряд апеллятивов ЛСГ «Лес» в современных самарских говорах не зафиксирован: *Рамено*, ср. в СРНГ: **Рамена, рамень**. 2. Низменное болотистое место, поросшее густым смешанным лесом или кустарником. Нижегород., 1857 [11, вып. 34, с. 95]; *Липяги*, ср.: **Липяг**, а, м. Возвышенность, покрытая липовым лесом. Тамб., 1850. Гдов. Петерб. Ворон., Гринкова [с примеч. «чаще липяги, лен.»] [Там же, вып. 17, с. 60]; *Вязники*, ср.: **Вязник**, а, м. 1. Род ивы. Тобол., 1899. 2. Растение *Cytisus biflorus* Led., сем. мотыльковых; ракатник русский. Ставроп., Анненков [Там же, вып. 6, с. 75].

В характере топонимики нашли отражение, во-первых, разнообразие растительного мира на территории Самарской области, а во-вторых, особенности лесных ресурсов, имевшие место в прошлом, 200–300 лет назад. «Лесная» топонимика популярна на нашей территории потому, что в основной период заселения русскими края, в 1766–1835 гг., леса занимали 28% современной площади, тогда как в настоящее время в Самарской области леса в целом занимают чуть больше десяти доли (12%) ее территории [2, с. 15]. Как и следовало ожидать, «лесные» ойконимы на нашей территории встречаются в границах лесостепной зоны, к северу от р. Самары, где лесистость несколько выше среднего значения по области и составляет 14%, а в правобережных районах – Ставропольском, Сызранском, Шигонском и Волжском на Самарской луке – она превышает 50%.

Южнее р. Самары, в степной части, леса встречаются преимущественно по речным долинам, оврагам и балкам и занимают не более 4% площадей, поэтому ойконимы на юге области образуются с преобладанием других принципов номинации: во-первых, от личных имён, фамилий, прозвищных основ первопоселенцев с помощью продуктивных общерусских топоформантов, во-вторых, от наименований соседних с ними географических объектов, в первую очередь рек, озер и форм наземного рельефа. В ономастике существует мнение о том, что топонимы с антропонимической основой вообще имеют позднее образование [8, с. 15]. Следовательно, эта особенность самарской топонимики в степной зоне обусловлена ещё и позднепереселенческим характером говоров.

Ландшафт самарского Поволжья характеризуется как преимущественно равнинная территория. Лишь в отдельных местах встречаются холмистые участки, возвышающиеся

над окружающими пространствами, которые воспринимаются как невысокие горные массивы. Один из таких участков расположен на Самарской луке, большом изгибе русла Волги в среднем её течении, и называется Жигулевскими горами. По наблюдениям М.В. Флягиной, на подобных территориях возвышенные и низменные места и водные объекты имеют в народном языке разветвленную систему специальных наименований [13, с. 7–14].

Среди орографических наименований (58 единиц в нашей выборке) диалектные номинации, зафиксированные в самарских говорах, составляют большинство (61%), например: *дубровка* ‘возвышенное, покрытое лесом место’, *ендова* ‘овраг’, *лыва, лывина* ‘низменное место, балка’, *мар* ‘возвышенное место’, *лягушойник, баклуша* ‘яма, заполненная водой’ и др. Из всех лексических единиц в ЛСГ «Рельеф» в самарских говорах и топонимике наибольшей регулярностью отличаются общерусские лексемы и их лексико-семантические варианты *гора, бугор, холм, верх*. Слово *гора* может служить обозначением любой возвышенности, но чаще всего – возвышенности значительной, наряду со словом *бугор*. Незначительная возвышенность называется обычно *холмом*, но может называться и *горой*. Наименования возвышенных мест часто используются в качестве основ самарских ойконимов и микротопонимов, поскольку оппозиция «горы – равнина» является важной геоморфологической характеристикой равнинных регионов [10, с. 184–185]. На основе таких апеллятивов образованы многие самарские топонимы: *Взгорье, Подгорное, Подгорный Дол; Бугры, Бугринка, Жареный Бугор* и др. Названия частей структуры возвышенностей представлены словами, называющими а) вершину (*верх, вершина, голова*); б) склон (*скат, склон, увал*); в) основание (*подгорье, подгорок, подножье, подошва*). Другие наименования возвышенностей и их частей встречаются реже, преимущественно в топонимике, и имеют более узкую локализацию. Как правило, они употребляются в качестве детализированных обозначений положительных форм рельефа. Так, наименование населённого пункта *Вертевка* мотивировано диалектным словом *вертея* ‘возвышенное сухое место на низменности среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки’ [11, вып. 4, с. 138]; топоним *Угорье* – нарицательной основой *угорье* ‘возвышенное место, холм, бугор’ [Там же, вып. 46, с. 248]; *Подгоры* – севернорусской лексемой *подгор*

‘склон крутого берега или подножие горы’ [11, вып. 27, с. 378]; топонимы *Новый Буян, Старый Буян* содержат в своем составе лексему *буян* ‘открытое, возвышенное, не защищенное от ветра место’ [Там же, вып. 3, с. 334].

Наименования низменных мест (*низин*) в самарских говорах представлены менее разнообразно и зачастую ограничиваются обозначением значительных углублений (оврагов): *дол, яр, промывина*. Первые два встречаются повсеместно, на их основе образованы многие топонимы (*Суходол, Песчаный Дол, Красный Яр, Заярье*). Другие наименования встречаются реже, в качестве топонимов нам встретились диалектные лексемы со значением ‘овраг’: *барак (Забарак), враг (Яблонный Враг)*.

В народном сознании при характеристике местности особое значение имеют почвы, и зачастую народные наименования служат основой ойконимов, например: *печина* ‘глина, используемая для глинобитных печей’ (*Печинено*); *солонцы* ‘почва, богатая солью’ (*Березовый Солонец, Сосновый Солонец, Солонцовка*), *песчанка* ‘почва с примесью песка’ (*Песчановка, Песчаный Дол*).

В пределах Самарской области существует разветвленная сеть притоков Волги и около 30 озер. Диалектная лексика, составляющая ЛСГ «Водоем», в нашей выборке насчитывает 37 лексем. См. примеры: *загибель, прогиб, вилюшка, лука* ‘излучина в течении реки’; *межень* ‘период мелководья’; *зыбь, зыбок* ‘мелкая рябь на реке’; *материк* ‘берег реки’; *быстряк* ‘место с быстрым течением’; *сарма* ‘наиболее глубокая часть русла реки, безопасная для прохода судов, фарватер’; *верх* ‘исток реки’; *намоина, наволок* ‘нанос песка, ила в реке’; *глыба, (о)чка, икра* ‘льдина’; *затон* ‘мель, отмель’; *лиман* ‘водоем, образуемый стоком талых вод с возвышенных мест’; *рынок* ‘пруд’; *мочажина* ‘небольшое болото’ и др.

Среди апеллятивов, обозначающих гидрографические объекты (40 единиц в нашей выборке), наиболее регулярно отмечаются слова общерусского распространения. См. примеры: от апеллятива *озеро* образовались названия сёл *Белозёрки* (встретилось дважды), *Кривоозериха, Озерецкое, Кубань Озеро, Тяглое Озеро* и др. (11); от апеллятива *река (речка)* – *Сухоречка, Малореченск, Толчеречье* и др. (6); от апеллятива *ключ* – *Светлый Ключ* (2), *Семь Ключей, Свободные Ключи* и др. (11). Единичными образованиями в данной группе являются названия сёл *Исток, Новозапрудное, Океан*

(расположено на берегу Волжского водохранилища). Остальные ойконимы в этой группе имеют диалектную основу: *ильмень, ильмень* ‘водоем, озеро, возникшее на месте русла обмелевшей реки’ (*Ильмень*), *морец, ерик* ‘непроточный рукав реки’ (*Морец, Ерик*), *студенец* ‘родник, источник с ключевой водой’ (*Студенцы*).

На территории края отмечены диалектные апеллятивы ЛСГ «Водоем», в самарских говорах не зафиксированные: *Лбище*, ср.: **Лбище**, а, ср. Крутой каменный мыс, утес на берегу реки, моря. Астрах., 1840. Касп., Волж., Саратов. «Бугор» (на берегу). Киров., Головина, 1966–1969. || Высокий, отвесный, обрывистый берег (реки, моря). Астрах., 1840. Касп., Волж. [Там же, вып.16, с. 300]; *Гремячий Ключ*, ср.: **Гремячий**, ая, ее. 1. Производящий шум. Гремячий ключ. Слов. Акад. 1847. 2. Гремячий ключ (колодец). Источник (колодец), образовавшийся, по народному преданию, от удара молнии или копыта богатырского коня. Слов. Акад. 1895. Перемышл. Калуж., 1905–1921 [9, вып. 7, с. 90]; *Большая Глушица*, ср.: **Глушица**, ы, ж. Непроточный рукав реки; заводь, старица. Даль [без указ. места] [11, вып. 6, с. 219].

В составе ЛСГ «Рельеф» и «Водоем» встречаются диалектные наименования, содержащие комплексную характеристику природного объекта: *подвалье* ‘1) овраг с обвалившимися склонами, 2) нижняя часть переката на реке’ (*Подвалье*); *кочкарь, кочкарник* ‘низкое место, болото, покрытое кочками’ (*Кочкари*); *лука* ‘участок земли, луг, лес, огибаемый рекой’ (*Криволучье-Ивановка, Кривая Лука*); *елань* ‘поляна в лесу’ (*Елань*).

Таким образом, в составе ландшафтных наименований в самарских говорах активно используются слова общерусского распространения (*лес, гора, заводь, солонец, дол* и т.д.). Достаточно обширную группу составляют слова, имеющие распространение в севернорусских говорах, т.е. зафиксированные в словарях с пометами *Север., Волог., Арх., Яросл., Костр., Вят.* (*ляда* ‘низкая, мокрая почва’, *кулига* ‘поляна, участок в лесу’, *коллок* ‘небольшой лесок’, *волжанка* ‘гриб волнушка’, *дебря* ‘чаща, дремучий лес’; *грива* ‘небольшая возвышенность; лес, растущий на возвышенности; возвышенный участок низкого берега’), и междиалектные, имеющие широкий ареал в Поволжье (*студенец* ‘родник, источник с холодной ключевой водой’, *лука* ‘луг, лес, огибаемый рекой’, *калужина* ‘лука, яма, заполненная водой’, *наслуз, наслуд* ‘вода,

выступившая на поверхности льда»). Отмечены также южнорусские лексемы, т.е. зафиксированные в словарях с пометами *Тул., Ворон., Ряз., Орл., Курск., Тамб. (колдыбань* 'рытвина, выбоина, ухаб (на дороге), часто с водой'; *ендова* 'овраг'; *икра* 'льдина'; *гай* 'небольшой лиственный лес'). Ряд ландшафтных наименований обнаруживает сходство самарских говоров с другими поволжскими и южноуральскими говорами (*солянка* 'источник с соленой водой', *барак* 'овраг', *проран* 'проток в устье реки', *ерик* 'небольшая речка, непроточный рукав реки', *ильмень* 'водоем, возникший на месте русла высохшей реки', *лиман* 'озеро, образуемое стоком талых вод', *мар* 'возвышенное место', *бур* 'хворост, упавшие сучья').

Кроме того, многие топонимы на нашей территории образованы от тюркских апеллятивов с ландшафтным значением, например: *Кармала (кармал* 'вяз, вязовый'), *Четырла (чытир* 'хворост, хворостяной'), *Кошки (кош* 'лысый холм'), *Борма (борма* 'изгиб, извилина; извилюстый'), *Карагай* ('сосна', 'сосновый бор', 'сосняк') и др. Кроме того, носителями русских говоров на территории Самарского края употребляются заимствованные из неславянских языков микропонимы *курмыш* 'дальнее место, окраина', *хива* 'подветренное место, высокий берег, бугор', *шихан* 'одиночная возвышенность на берегу реки, холм с хорошо выраженной вершиной', *каба* 'заливной луг', *мазарки* 'кладбище'. В восточных районах области в речи носителей русских говоров зафиксированы заимствованные наименования природных объектов: *килей* 'береза' (из эрзянского), *каспах* 'двугорбый верблюд' (искаженное, из башкирского), *куга* 'озерный камыш, рогоз' (из татарского). Историки и краеведы отмечают, что Самарский край с древнейших времён играл в жизни страны важную роль перекрестка экономических и культурных связей «Востока и Запада с характерными для них системами хозяйственно-бытового уклада, религиозных верований, общественных норм, менталитета» [3, с. 547]. Хозяйственно-бытовые контакты различных этнографических групп нашли отражение в языке.

Для каждой тематической группы ландшафтной лексики самарских говоров характерен определенный набор общерусских и диалектных лексем, в которых нашли отражение свойства и признаки природных объектов, важных для хозяйственной деятельности человека. Объекты природы, пропущенные через восприятие и сознание носителей русских на-

родных говоров, составляют лингвистический и социокультурный ландшафт и создают географический образ региона, представляющий фрагмент общей языковой картины мира.

Список литературы

1. Бурыкин А.А. Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии // Русское слово и Костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 388–396.
2. Васильева Д.И., Баранова М.Н. Природные ресурсы Самарской области. Самара: СМИУ, 2007.
3. Дмитриев Э.Я., Кабытов П.С. Самарская область (география и история, экономика и культура). Самара: Самарский Дом печати, 1996.
4. Зварыкина И.С. Номинации мира природы Астраханского края в ономазиологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015.
5. Кабытов П.С. Средняя Волга и Заволжье в XVI – начале XX в.: территориальные границы, природно-климатические условия // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8.2 (99). С. 21–26.
6. Кузнецова Е.В. Семантические и функциональные особенности диалектной лексики региона на лингвистической карте // Вестник ВолГУ. 2012. № 1(5). С. 68–74.
7. Неганова Г.Д. Типологические черты костромского культурного ландшафта: названия густого леса в костромских говорах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 79–83.
8. Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981.
9. Пшеничникова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Азбуковник, 2008.
10. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных представлений: географическая интерпретация диалектных образов: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007.
11. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Вып. 1–47. М. – Л., СПб.: Наука, 1965–2014.
12. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М.: Яз. рус. культуры, 1997.
13. Флягина М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004.

14. Цветкова Е.В. Диалектная лексика в костромской топонимии (ляд, ляда, лядина и т.д.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 1. С. 105–109.

* * *

1. Burykin A.A. Ojkonimy Kostromskoj oblasti v kontekste dialektologii // Russkoe slovo i kostromskoj kraj: sb. st. / otv. red. N.S. Gancovskaja, O.N. Krylova. SPb.: Nestor-Istorija, 2013. S. 388–396.

2. Vasil'eva D.I., Baranova M.N. Prirodnye resursy Samarskoj oblasti. Samara: SMIU, 2007.

3. Dmitriev Je.Ja., Kabytov P.S. Samarskaja oblast' (geografija i istorija, jekonomika i kul'tura). Samara: Samarskij Dom Pechati, 1996.

4. Zvarykina I.S. Nominacii mira prirody Astrahanskogo kraja v onomasiologicheskom aspekte: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2015.

5. Kabytov P.S. Srednjaja Volga i Zavolzhe v XVI – nachale XX v.: territorial'nye granicy, prirodno-klimaticheskie uslovija // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 8.2 (99). S. 21–26.

6. Kuznecova E.V. Semanticheskie i funkcional'nye osobennosti dialektnoj leksiki regiona na lingvisticheskoj karte // Vestnik VolGU. 2012. № 1(5). S. 68–74.

7. Neganova G.D. Tipologicheskie cherty kostromskogo kul'turnogo landshafta: nazvanija gustogo lesa v kostromskih govorah // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2012. № 5. S. 79–83.

8. Popov A.I. Sledy vremjon minuvshih: Iz istorii geograficheskikh nazvanij Leningradskoj, Pskovskoj i Novgorodskoj oblastej. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1981.

9. Pshenichnova N.N. Lingvisticheskaja geografija (po materialam russkikh govorov). M.: Azbukovnik, 2008.

10. Sokolova A.A. Landshaft v sisteme tradicijnyh predstavlenij: geograficheskaja interpretacija dialektnyh obrazov: monografija. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2007.

11. SRNG: Slovar' russkikh narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova, O.D. Kuznecovoj, S.A. Myznikova. Vyp. 1–47. M.-L., SPb.: Nauka, 1965–2014.

12. Tolstoj N.I. Izbrannye trudy. T. 1. Slavjanskaja leksikologija i semasiologija. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1997.

13. Fljagina M.V. Lingvogeograficheskoe issledovanie landshaftnoj leksiki donskih govorov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D., 2004.

14. Cvetkova E.V. Dialektnaja leksika v kostromskoj toponimii (ljad, ljada, ljadina i t.d.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2011. № 1. S. 105–109.

Landscape vocabulary in the dialects and toponymy of the Samara region

There is considered the issue of the regional peculiarities of the lexical and semantic and toponymic systems that nominate the natural realities of the Samara Volga region. For the thematic groups "Forest", "Pond", "Terrain", "Soil" there are determined the general Russian and dialectal lexemes that reflect the main properties and signs of the natural landscape. The dialectal names create the basis for the linguistic landscape of the region and its historical and geographical image.

Key words: *dialect, patois, toponym, linguistic landscape, dialectal vocabulary, the Volga region.*

(Статья поступила в редакцию 18.09.2015)

Т.Н. ДАНЬКОВА
(Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Излагаются теоретические вопросы, связанные с функционированием номенклатурных единиц в русском языке. На материале лексики различных тематических групп сельскохозяйственной сферы анализируются особенности формирования номенов, обозначающих реалии растениеводства, в различные периоды истории России и русского языка: период образования Русского централизованного государства (конец XIII – начало XVI в.), XVIII в., XIX в., советский и новейший периоды. Подчеркивается тесная связь номенклатурных обозначений с терминами сферы сельского хозяйства.

Ключевые слова: *номенклатурные единицы, сельскохозяйственная сфера, разновидности и сорта сельскохозяйственных культур.*

Как показали проведенные исследования, в составе лексики современной сельскохозяйственной сферы выделяется весьма значительный пласт словесных единиц, представляющих собой наименования единичных понятий, сформировавшихся в различные периоды истории России и русского языка: разнообразно-